

УДК 111.1/3

Д.С. Малышева

МИР КАК ФЕНОМЕН

Рассматривается проблема конституирования смысла объективного мира. Выясняется структурное различие редуцированного мира и мира естественной установки. Исследуется область первопорядковой реальности и различные виды опыта, позволяющие нам выстраивать представление об объективности. Представлена дескрипция феноменов пространства и времени в бытии монадической сферы.

Ключевые слова: *мир, редукция, трансцендентальное ego, первопорядковая сфера, пространство, время, интенциональность, конституция, презентация, аппрезентация, alter ego, трансцендентность мира, дар.*

Человек – это шар, а душа – это нить.

Иосиф Бродский

Мир, явленный нам, раскрывается в течение жизни. Понятия «объективное», «реальное» рождаются в сознании постепенно, когда бесконечные горизонты возможного опыта наполняются содержанием. Мы поставили целью рассмотреть, каким образом формируется сознание реальности. В представленной работе автор, вслед за основателями трансцендентальной феноменологии, осуществляет реконструкцию понятия «мир».

В свое время Рене Декарт предпринял попытку пробраться к источнику, откуда тянутся все определения мира. Как известно, ниспровержение естественной очевидности бытия (Dasein) мира не было доведено им до конца. Над философом тяготел предрассудок эпохи: преклонение перед математическим естествознанием и дедуктивным методом. Декарт превратил его в «исходное звено умозаключений по принципу каузальности» [1. С. 83]. Эдмунд Гуссерль остался верным духу радикального самоосмысления и, рискуя потерять весь мир, обрел его чистый смысл.

Прежде чем приступить к описанию конституции понятия «мир», мы должны ответить на вопрос: «Что есть мир для меня – феноменологически мыслящего субъекта?». Это прежде всего интенциональный объект, т.е. такой, который пребывает в нередуцируемой связи с моим сознанием. Понятие мира формируется в пассивном и активном синтезах, сущность которых может быть обнаружена через трансформацию естественной установки сознания до феноменологической. Указанный процесс образования понятия имеет многоуровневую структуру.

© Малышева Д.С., 2013

Малышева Дарья Сергеевна – ассистент преподавателя кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: daria.mal@gmail.com.

Как мы помним, Декарт указывал на тот простой факт, что некоторое «Я сомневаюсь» само уже предполагает «Я есмь». Утверждение «Я есмь» представляло собой, по его мнению, первую очевидность. Но может ли «трансцендентальное Я обмануться в себе самом и каких пределов достигает, вопреки возможному заблуждению, его абсолютно несомненный состав» [1. С. 81]? Может быть, в бесконечном, истерически неравномерном потоке моего сознания и рефлексии нет никакого *ego*? В живом сознании современника «интуитивный эталон ясности и отчетливости обнаруживает свою проблематичность и зыбкость» [2. С. 19].

Дело в том, что состояние *ελοχῆ* не есть психологическая игра, благодаря которой существую только я и состояние моей души. Моя психофизическая природа также подвергается выключению. А с ней остаются в качестве «только-феноменов» мысли и чувства. Но за каждым восприятием, будь оно иллюзией или реальностью, я обнаруживаю того, кто воспринимает. За каждой мыслью – того, кто мыслит, или того, кто может сказать: «Появилась мысль». Понятие «наблюдатель», «незаинтересованный зритель» [1. С. 99] полностью применимо к внутренней сфере нашего опыта. Я схватываю внимательным взглядом мир и поток моего сознания, ничто не исчезает из поля опыта. Разница заключается в том, что «Я как философствующее практикует воздержание в отношении того, что созерцается» [1. С. 76]. Именно здесь кроется ответ на вопрос о трансцендентальном Я. Слово *die Meditation*, которое использует феноменолог, означает не только размышление, но и внутреннее созерцание. В этом отношении дух феноменологии оказался ближе восточной философской традиции, чем классическому рационализму.

В состоянии *ελοχῆ* открывается возможность описать общую структуру опыта. Понятие *cogito*, лишенное рационального оттенка, объемлет различные состояния *ego*. Акты *ego* имеют как минимум одно общее свойство – интенциональность, или направленность. Каждому акту *ego cogito* соответствует *cogitatum* – интенциональный объект. Так, мое сознание является полярным по отношению к тому, на что оно направляет свою проясняющую способность.

В отношении пары *cogito* – *cogitatum* открывается возможность всеобщих описаний в коррелятивных направлениях. Мы можем рассматривать модусы *cogito*: способы осознания в восприятии, воспоминании, фантазии, сновидении, проектировании. Противоположное (нозматическое) направление описания разворачивается в сторону интенционального предмета, которому мы приписываем такие бытийные модусы, как достоверное, возможное, настоящее, предположительное. При последовательном осуществлении феноменологической редукции у нас сохраняется «открыто-бесконечная чистая жизнь сознания» и «полагаемый мир», целое мира в форме пространственно-временной бесконечности. Две стороны сознания (*qua cogitatum*) находятся в неразрывной взаимосвязи. В этом отношении верным является суждение, что «антропологический мир всегда чей-то мир» [3. С. 195].

Следует предварительно указать, что реконструкция понятия «объективный мир» и значимых смыслов не может быть проведена до последних оснований, так как все, что мы встречаем в жизни, изначально дано в синтезе пассивного опыта, до вступления в игру активности. Практическая работа разума в форме активного синтеза основана на пассивно синтезированной материи. Изначально мы учимся видеть вещи, что генетически предшествует другим способам сознания. Именно благодаря пассивному синтезу Я постоянно окружено предметами, расположенными в пространстве.

Когда я меняю установку сознания, то обнаруживаю вокруг себя иную реальность, отличную от привычного объективного мира. К сфере собственного, где мы и оказываемся, относится то, что дано презентативно. Можно рассматривать различия первопорядкового и объективного миров двояко. С одной стороны, мы обнаруживаем искаженную реальность, данную в единичном опыте, с другой – проникновение вглубь бытия. Так, пространство, явленное презентативно, предстает в форме сферы, схватывающей бесконечность космоса. Я есть источник перспективы. К линии горизонта стремятся параллельные прямые, увлекающие предметы к небытию-для-меня. Сама линия определяется моим внимающим взглядом, и, оглядевшись, я обнаруживаю вечный горизонт, окруживший меня. Пространство восприятия не подчиняется законам классической геометрии. Параллельные прямые встречаются. Несоизмеримо дальше, по сравнению с лесом на горизонте, находятся небесные тела, однако я воспринимаю беспредельное бытие пространственного мира не как безобразную амебу, но веду речь о сфере. Самое дальнее видимое созвездие, попадая в поле восприятия, уменьшается соответственно указанной безграничной форме.

Субъективность пространства заключается в том, что вещь наделена местом в моей системе координат. Я есть источник сферы, абсолютный ноль во временном и пространственном смысле, бытие, присутствующее здесь и теперь. Стремясь к «там» и «тогда», я вновь и вновь обнаруживаю себя здесь и теперь. Но как центральное звено первого мира, я порожаю изменение бытия-для-меня (вещи), скрытое в понятиях «близко» и «далеко», «слева» и «справа».

Что мы имеем в виду, говоря, что центром сферы выступает человек? Невозможно, будучи погруженным в ελοχῆ, иметь в виду человеческое тело или смотрящие глаза. Мое тело, подобно вещам, подчиняется законам перспективы, и рука, отведенная или приближенная ко мне, меняет форму. Мое тело с его внутренними лабиринтами само есть пространство. Что же является сердцевинной сферы? Наблюдающий из абсолютного здесь.

То, что можно было бы определить как искажение мира, в действительности есть дар внимания. Ближняя сфера есть место, где приоткрывается бытие. Понятие «настоящее» охватывает время и пространство, раскрытое в нем. В настоящем я воспринимаю глубину отдельной вещи или события, тем самым пробираясь к самому миру. Дальняя сфера моего восприятия носит название фона.

Память есть временной фон, она придает настоящему особый привкус, имя которому – ностальгия.

Отношения фона и ближнего мира требуют отдельного разъяснения. Известно, что прошлый опыт и закрывает, и приоткрывает нам глаза на бытие. Возможность видеть «как в первый раз» завораживает и направляет людей к новым местам, людям, действиям. Ведь первая встреча есть неповторимое событие, и в этом «однократность утоления жажды»¹. Опыт прошлого может исказить восприятие настоящего, так как неверно схваченные в прошлом интенции сохраняют свое разрушающее значение в новом теперь. Но что есть восприятие без фона?

Именно прошлое дает мне действительную возможность видеть. Вечно живой огонь, о котором писал Гераклит, не может быть обнаружен в настоящем, но открывается постепенно, когда, за кажущейся жесткостью вещей, мы усматриваем их временение в становлении и распаде. Действительная память есть глубина восприятия. Она «не является простым сохранением чего-то, ее следует рассматривать скорее как бодрствование внимательной души» [4. С. 47]. Присутствие фона прошлого не делает отдельные вещи отчетливой, но позволяет проникать в сущность, в то, что скрыто за вещами. Времена накладываются и создают ясность. Именно поэтому, чтобы познать бытие, нужно время.

Что значит видеть? Сейчас я созерцаю листву и травы. Следующим днем или следующим летом я буду созерцать их в новом бытии-сейчас. Каждый день я снова встречаю рассвет, который потерял вчера. Во времени я обретаю и теряю. Здесь можно поставить вопрос о том, что есть обретение. Если бы я обретал, то сохранял бы? Но где лето вот-только-что-бывшее? Обретение (присвоение) – это акт открытия, но не сохранения, ибо то, что мы хотим сохранить, умирает. В являющемся мире вещей и событий я ничего не могу удержать. Но в памяти, за калейдоскопом воспоминаний, приоткрывается нечто. Каждое событие несет в себе интенцию к ценности, которую я обретаю и могу сохранить. Ценности и идеи есть бытие вневременное, то, что открывается за являющимся.

В состоянии *ελοχῆ* я обнаруживаю источник абсолютной временной позиции «теперь» в самом себе. Я не попадаю в настоящее, потому что никогда не покидал его. Говорят, что дни тянутся, а годы летят. Когда я пребываю в настоящем, мне открывается глубина мгновения. Стрелки часов бегут лишь в моем воображении, в простом созерцании я схватываю их неподвижность. Итак, настоящее не исчезает, а время не бежит. Я раскрываю бытие мгновения, и то время, в котором я присутствовал, мелькает и затягивается туманом. Ближняя сфера всегда полна, объемна, исполнена силы. Ясно также, что настоящее не имеет границ. Так же как нет границы между здесь и там, ибо «здесь» есть центр системы координат, источник временной и пространственной перспективы. Понятие «там» является коррелятивным – оно указывает направление к *cogitatum*. Поскольку мы наделяем модусом «здесь» вещи, находящиеся рядом, то можно до-

¹ Из стихотворения «Память» Д. Самойлова.

пустить, что центральное бытие распространяется вне моего тела. Ведь как иначе объяснить, что я способен путешествовать взглядом по пространству, прояснять предметы так, будто бы я заранее знаю расстояние и выстраиваю глубину резкости взгляда. Нет, наш взгляд блуждает в пространстве, наталкивается на предметы, не может проникнуть сквозь вещи так же, как само тело.

Настоящее, в простом и изначальном смысле, значит стоящее перед тобой «вот-бытие». Впрочем, вещи и события, явленные в настоящем, могут не сразу быть поняты и названы. Настоящее и за ним память обретают свой подлинный смысл в будущем. Именно здесь скрыт источник надежды. Смысл прошедшего постоянно изменяется настоящим – это алхимия времени.

Человек блуждает по земле, раскрывает времена и места, и его собственный опыт, первый мир, есть облако, охватывающее пройденный путь. В тумане памяти мы снова и снова отыскиваем то, что однажды было дано и, казалось, принадлежит нам. В настоящем мы вглядываемся в события и вещи, припоминая ранее полученное и затерянное. Постоянство отношения «открытие – потеря» характеризует являющийся мир: «присутствие бытия дано через его отнятие, а потеря бытия есть форма его пребывания» [5, С. 22]. Несмотря на сон по отношению к прошлому, потерянное в глубинах памяти есть уже-присвоенное или то, что может быть узнано.

Отношение «открытие – потеря» характеризует являющееся временное столь же точно, как и пространственное. Находясь «здесь», я осваиваю пространство, раскрывая бытие вещей. Оставленное пространство для меня прекращает существование:

Жить в городе другом – как бы не жить.

При жизни смерть дана, зовется – расстоянье.

Не торопи меня. Мне некуда спешить.

Летит вагон во тьму. О, смерти нарастанье! [6. С. 64]

В пределах первопорядковой сферы время и пространство особым образом структурированы относительно меня. Это касается таинственного различия между правой и левой стороной. Раскрытие их отношений есть шанс выйти к решению вопроса, едины ли в своей сущности время и пространство. Рассмотрение этой проблемы мы оставим для будущих исследований.

Презентативно мне явлен универсум, разворачивающийся относительно меня. Трансцендентальное Я дано «как его, обладающее опытом мира в себе самом, указывающее на гармоническую согласованность мира» [1. С. 259]. Но как я выхожу к самому бытию и бытию другого? Каким образом формируется понятие объективного мира?

«Восприятие словно заявляет притязание на то, чтобы дать всю вещь» [7. С. 102]. В опыте мы обнаруживаем, что любое явление несет в себе интенцию к наполнению возможных граней бытия являющегося. За явлением мы предполагаем существование того, что является. На этом этапе нашего рассуждения воз-

никает вопрос: «Мы присутствуем здесь и теперь для того, чтобы познать мир, о котором манифестируют явления?». Г. Марсель определяет дар как «призыв, требующий ответа» [4. С. 68]. Бытие является мне во времени таким образом, будто я имею возможность его раскрытия. Здесь я нахожу подлинный смысл интенциональной структуры моего сознания.

Конечно, схватывая содержание ощущения, мы не схватываем объективность. Допустим, я вижу кота. Что значит здесь «видеть»? Я закрываю и открываю глаза, смотрю прямо на него или отвожу взгляд. В итоге я получаю множество содержаний, которые различны темпорально. Я фиксирую феноменологическое расхождение, хотя не имею такового в самом предмете. Пережитые мной содержания «объективируются» – из их материала конституируется рыжий кот, живущий в реальном мире. Конституированный «кот» не равен сумме содержаний моих ощущений, но существенно больше них. Предмет – нечто принципиально иное, чем ощущение. «Говоря феноменологически: объективность конституируется как раз не в “первичных” содержаниях, но в свойствах схватывания (Auffassungscharakteren) и в закономерностях, принадлежащих к сущности этих свойств» [8. С. 10]. Сам объект, вопреки постоянству отодвигающего потока, сохраняется в абсолютной тождественности. Модификация схватывания (объект-теперь, объект-в-прошлом) не затрагивает его вневременной смысл.

В рефлексии я обнаруживаю временные поля, пересекающиеся друг с другом. Надвигающиеся части идентифицируются в интуитивном непрерывном возвращении в прошлое. В многообразии полей конституируется порядок одного объективного времени. Временные поля восприятия, принадлежащие первоначальному миру другого, надвигаясь на мои миры, соотносятся с ними так, что я обретаю общий для нас смысл и осознание синхронности настоящего.

Мое присутствие есть данность, явленная в презентативном опыте. Вглядываясь в мир, я вижу в нем такие системы явлений, как «живые тела». Эти системы являются основой для дальнейшего опыта аппрезентации, в котором тело, находящееся «там», получает смысл живого тела от моего собственного. Движения, речь, взгляд содержат в себе указание на того, кто является в «совокупной стиливой форме чувственных процессов» [1. С. 231], о которой мне известно из опыта управления своим живым телом. Другое его не является находящимся во мне синтетическим единством, но суть по своему смыслу именно *другое*. Восприятие alter ego является трансцендирующим, ибо полагает в модусе «самоприсутствия» [1. С. 236] нечто большее, чем когда-либо будет явлено.

Моя природа, пишет Гуссерль, та же самая, что и природа другого. И если я, вечное здесь и теперь, источник актов cogito, усматриваю «другого», то его находящаяся «там» телесность наделяется в аппрезентации смыслом «здесь», прежде присущим только мне. Моя первопорядковая реальность не является тогда единственной, и я должен признать присутствие множества подобных миров. Но «смысл успешно осуществленной апперцепции “других ego” состоит в том, что их мир, мир, принадлежащий их системам явления, должен быть сразу же

воспринят в опыте как мир, принадлежащий моим системам явления, а это подразумевает тождественность этих систем» [1. С. 241]. Указанная синтетическая работа сознания, благодаря которой я отождествляю конституированную во мне природу с природой, конституированной другим, не более загадочна, чем любая другая.

Становится ясно, что другой, подобно мне, пребывает в состоянии «здесь и теперь». Реальный мир – общий для всех – есть уравновешенное пространство. В пространстве «там» я осознаю присутствие другого опыта, наделяющего место статусом «здесь». Открытие первопорядкового мира alter ego наполняет мыслимый мир присутствием.

Люди обладают сходной интенциональной структурой, поэтому в аппрециации мне дан еще один вид опыта, связанный с осознанием самого себя через другого. Я, чувствующее существо, полагаю это свойство в другом. Если же в alter ego я открываю чувство ответственности, то могу найти в себе свое другое. Я знаю, что alter ego постигает меня в качестве другого. В этом акте чужого сознания я обретаю новое качество «закрытого космоса», который может быть обнаружен в интенциональных актах особого рода. Любовь есть способ познания, ибо, «любя, отдавая себя другому и проникая в него, я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека» [9. С. 53].

Я проникаю в сферу, которая, возможно, уже была осознана другим, и то, что предстает для меня новым, является прошлым другого. Значит, в человеческом мире, кроме трагического «открытие – потеря», есть иное отношение – параллельность миров или возможность встречи:

Ты загадочна, словно дождь,
Словно профиль на фоне веток.
Только в августе ты пройдешь
Там, где был я в начале лета [10. С. 48]

Вопрос о встрече мы относим и к самому бытию. Мне дано многое: пространство в форме тела, дома, города. Возможность обретать и устанавливать ценности. Бытие другого в его трансцендентной бесконечности. Я могу не принимать дара, а значит, отречься от бытия, открытого для освоения здесь и теперь. Что есть освоение? Это приручение чуждого мне пространства и нового времени, проникновение к самому бытию. Осваивая, я забочусь о бытии. Когда же в новом настоящем я постигаю то, что давно мне дано и чего я не принимал, то это знание пронизывает прошлое и открывает подлинный смысл событий, скрытый ранее. Факт, что мы не можем мгновенно постичь смысл явления, говорит о том, что акт осознания – это труд. Мир открывается постепенно. И как не вглядываясь в настоящее, я не увижу в нем того, что будет мне явлено через те же вещи годы спустя. Поэтому мы говорим: «Всеу свое время» [11]. Разные времена можно наделить различными качествами: скучное, доброе, светлое. Так, в романе «Дар» Набоков открывает для нас сознание гениального писателя, для которого время всегда было иным.

Список литературы:

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления / пер. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2006.
2. Железняк В.Н. Феноменология рациональной воли / Перм. гос. техн. ун-т. – Пермь, 1997.
3. Марков Б.В. Философия: учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2012.
4. Марсель Г. Ты не умрешь. – СПб.: Мирь, 2008.
5. Комаров С.В. Различие как событие: возможность мышления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – Вып. 2 (10). – С. 18–30.
6. Кушнер А. Канва. – М.: Сов. писатель, 1981.
7. Ингарден Р. Введение в феноменологию Эдмунда Гуссерля / пер. А. Денежкина и В. Куренного. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
8. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени / пер. В.И. Молчанова; М.: Логос, 1994.
9. Фромм Э. Искусство любить. – М.: АСТ: Астрель, 2011.
10. Малышев С. Сорок ключиков. – Березники, 2005.
11. Хайдеггер М. Время и бытие. Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего периода творчества [Электронный ресурс]. – М.: Высшая школа, 1991. – URL: <http://heidegger.narod.ru/werk/zus.html>.

Получено 26.09.12

D.S. Malysheva

WORLD AS PHENOMENON

The problem of the objective world content institutionalization is being studied. Structural difference between reduced world and the world of the natural set is being clarified. The author examines the sphere of the first ordinal reality and different types of experience, permitting us to create the idea of objective character. Description of phenomena of space and time in monadic sphere objective reality has been presented.

Keywords: world, reduction, transcendental ego, the first ordinal sphere, space, time, intentionality, constitution, presentation, alter ego, transcendence of the world, gift.